

Запах мысли

Об аромате

Un Jardin sur la Lagune

Алексей Тарханов |

ВСЯКИЙ раз когда парфюмеры Hermès зовут меня, чтобы показать новый запах, я раздуваю ноздри и бегу к ним сломя голову.

Не потому, что я фанат парфюмерии и нотки бергамота с оттенком магнолии не оставляют меня равнодушным, как пишут мои ученые коллеги. Ровно наоборот, запах запоминается мной смутно, вне формул и ингредиентов. Как мысль, как текст, как идея. Как любовь, в конце концов, ведь у всех моих любовей был особенный запах.

Так что, хоть речь идет о запахе, я не случайно говорю «показать». Я бы добавил «и рассказать».

Главный парфюмер Hermès Кристин Нажель ждет нас в Венеции. Спецрейс Париж — Венеция только что приземлился в Марко Поло. И нас везут через весь город неизвестно куда.

Мы обогнули весь остров, чтобы посмотреть сад на лагуне, давший название ее новому «Саду на лагуне» — Un Jardin sur la Lagune. Строго переводя, по правилам языка это значит «один такой сад на известно какой лагуне».

Сад на лагуне — Сад Эдема, точнее, Идена, английского аристократа, купившего себе землю и храбро боровшегося, как и все последующие владельцы, с красивой, но жестокой природой, вязкой почвой, дождями, солью лагуны.

Он расположен хоть и на той же лагуне, но считайте в пригороде, на Джудекке. Сад частный, увидеть его можно только на Google Maps, в него категорически нельзя попасть, его нынешние владельцы, фонд Хундертвассера, не пускают туда посетите-

лей, книга жалоб и предложений на Google звучит сплошным «какая жалость», но есть ли что-то, что не может себе подарить Hermès?

«Мне хотелось сделать что-то, посвященное садам в Венеции, — говорит мне Кристин Нажель. — Но я не хотела сада ухоженного, организованного, я искала сад неизвестный, заброшенный, с нежной душой. И однажды я прочитала историю о том, как Фредерик Иден создавал свой сад в конце XIX века. С каким терпением, с каким старанием! Он говорил, что из трех розовых кустов здесь вырастал лишь один.

Я встретила сад Эдема январским утром. Представьте себе холодный морской воздух и яркое солнце. Замок отомкнули, я открыла дверь и вошла в этот сад. Он не был роскошным, не был мощным, как цветущие, пышущие здоровьем итальянские сады. Он был прозрачным и нежным. Он меня тронул, мне легко дышалось воздухом с привкусом солнца и соли.

С тех пор я возвращалась, чтобы увидеть сад весной, летом, осенью. И каждый раз он выглядел по-другому. В апреле расцвел питтоспорум. Деревья, которые тянулись из-за стены к лагуне, были покрыты маленькими цветами, которые пахли, как жасмин и флердоранж. А потом зацвели магнолии, цветы располагались так высоко, что надо было смотреть вверх, чтобы их увидеть. Запах точно шел с неба. И был запах земли. На земле росла саликорния. Дорожки были покрыты мхом и по земле тянулись корни, потому что им некуда уходить — внизу соль.

Я поняла, что у этого сада было несколько жизней. И в разные времена года, и просто в разные времена. Потому что после Иденов здесь жила Аспасия, принцесса Греческая, а потом ее дочь, Александра, последняя королева Югославии. А в конце концов сад купил австрийский художник Хундертвассер, который хотел, чтобы он был диким, как сад Спящей красавицы. Теперь его хотя бы расчистили. И знаете, что меня больше всего в нем поражает? Сейчас здесь то, что природа захотела здесь видеть, то, что она позволила здесь сделать человеку».

Мы уезжаем в Палаццо Гримани, где будут произноситься дозволенные речи. За моей спиной маленький мостик, вечно запертая дверь, за ней деревья, фонтанчик, садовые скульптуры анонимных бесталанных скульпторов. Я прощаюсь с Un Jardin sur la Lagune, но увожу флакон, в котором есть теперь не только сад Эдена, не только сад Кристин Нажель, но и мой собственный сад.

Конечно, эрмесовские названия духов — это уже спойлер, «номер пять» звучало честнее. Мне напоминает это иногда популярные концерты симфонической музыки, где перед исполнением вам говорят: представьте себе лунный сад, еле колышутся ветви и все такое, что мы сами в музыке и не услышим, куда нам.

И все-таки я не могу не восхищаться работой не только Кристин, но и самой марки Hermès. Ее умением рассказать. Все большие парфюмеры — таланты, все они поэты, но после того как они окончат работу, надо объяснить тем, для кого они работали,

о чем идет речь, о чем надо думать. Никто из купивших этот аромат не попадет в этот сад, не вернусь в него и я, сколько бы раз ни был еще в Венеции, но это воспоминание подарено мне навсегда.

Вся наша жизнь — история запахов, которые меняются вокруг нас. Наши воспоминания имеют запах. И, наоборот, в запахах зашифрованы наши воспоминания.

Я поеживаюсь, когда читаю «аромат», потому что слово это заранее позитивно, меж тем как есть в жизни ароматы совсем не сладкие и красивые, но чувственные и резкие. Южная ночь не всегда пахнет «Красным маком», внюхайтесь в ночную Ниццу или погасивший огонь Неаполь, к запаху моря и цветов примешивается мощная струя рыбы, кошачьей мочи, гнилого томата — что никогда меня не раздражало. Потому что запах этот наложен на прекрасный город вокруг.

У меня дома целая коллекция флаконов — и все они попали ко мне не случайно. Некоторые больше не выпускаются, духи остались у меня на самом дне стекла, для того чтобы, соединившись с моей памятью, произвести ядерную реакцию и заставить меня заплакать или засмеяться — не потому, что так хотел парфюмер, а потому, что я сам решил, что у этих воспоминаний будет этот запах.

Меня не раз сажали за парфюмерную карусель и давали попробовать, как составляются волшебные формулы. Это было страшно интересно. Но мне куда больше нравится, как составляются слова и мысли, — и вот тут стиль Hermès я носом чую.